

04 8210

У 507
91

СБОРНИКЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ и СТАТИСТИЧЕСКИХЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ПО АЗІИ.

ВЫПУСКЪ XXIX.

Свѣдѣнія о Кафаристанѣ Лессара; извлеченіе изъ путешествія Хедина черезъ Персію, Месопотамію, Кавказъ. Новая афганская граница Риджвея. Статистическія данныя о Закаспійской области Ю. Мельницкаго. Маршрутъ Лета отъ Герата до Мешхеда. Вооруженныя силы Персіи по ежегоднику Лебея.

ИЗДАШЕ ВОЕННО-УЧЕНАГО КОМИТЕТА ГЛАВНАГО ШТАБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Военная типографія, въ зданіи Главнаго Штаба.
1888.

НОВАЯ АФГАНСКАЯ ГРАНИЦА ¹⁾.

Капитана Риджвей.

Переводъ съ англійскаго *К. Военскаго*.

Переговоры относительно афганской границы, достигшіе наконецъ удовлетворительныхъ результатовъ, даютъ возможность обнародовать болѣе точныя свѣдѣнія относительно сущности, характера и результата работъ комисіи.

Прошло немного болѣе трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ англійская комисіа по афганскому разграниченію, въ составѣ около 1.300 человекъ, изъ коихъ было всего 400 солдатъ, а остальная часть представляла разнохарактерную, многоязычную, недисциплинированную толпу, оставила Кветту и направилась къ границѣ Афганистана, везя съ собою, на 2.000 верблюдахъ и мулахъ, палатки, провіантъ и военные запасы, необходимые при долговременномъ пребываніи въ бесплодныхъ пограничныхъ областяхъ Афганистана. Комисіи пришлось сначала идти по пустынной и почти безводной степи въ 230 миль, отдѣляющей Белуджистанъ отъ Гельмунда, при слѣдованіи по которой воду необходимо было везти съ собою въ кожаныхъ мѣхахъ и раздавать людямъ, когда въ колодцахъ воды не оказывалось. Благополучно достигнувъ отроговъ Гельмунда, комисіи предстояло еще пройти 550 миль по неизвѣстной странѣ, населенной дикими племенами, лежащей между нами и долиной Герата; страна эта отличалась бѣдностью и въ разныхъ пунктахъ ея встрѣчались остатки древнихъ развалинъ и нѣкогда большихъ городовъ, погребенныхъ въ пескахъ. Дойдя до долины Герата—о которой будетъ говорено ниже—комисіи снова пришлось сдѣлать 220 миль по гористой мѣстности—родинѣ племени Аймакъ—прежде чѣмъ достигнуть мѣста назначенія афганскаго пограничнаго поста—Бала-Мургабъ,

¹⁾ Nineteenth Century, October 1887.

сосѣдняго съ Пенджде. Это разстояніе въ 1.100 миль было пройдено (съ остановками, считая по 14 миль въ сутки среднимъ числомъ) безъ потерь въ людяхъ и имущества. Движеніе началось въ сильную жару и кончилось при таковомъ же холодѣ, какъ разъ въ то время, когда парусинныя палатки не могли защитить отъ стужи, особенно съ наступленіемъ ожидавшейся зимы съ ея 40° (Ф.) морозами и порывистыми вѣтрами. Съ приближеніемъ весны, послѣдовалъ Пендждинскій погромъ, за нимъ отступление коммисіи въ долину Герата, и страшный снѣжный ураганъ, который застигъ ее въ проходахъ Паропамиза, гдѣ люди мерзли въ повалку и животныя погибали сотнями. Затѣмъ снова утомительно жаркое лѣто въ долинѣ Герата, когда война съ Россіей казалась неизбѣжной и когда мы съ лихорадочною дѣятельностью занялись укрѣпленіемъ этого города. Далѣе Лондонскій протоколъ 1885 г. и прибытіе къ мѣсту назначенія русской разграничительной коммисіи, съ приходомъ которой работы по разграниченію пошли веселѣе и затрудненія разрѣшались взаимными уступками. Вторая зима, суровѣе первой, дала себя чувствовать намъ, членамъ коммисіи, еще болѣе ощутительно, такъ какъ по прежнему нашею единственною защитою отъ стужи были тѣ же парусинныя палатки. Поэтому мы съ удовольствіемъ привѣтствовали начало весны и возобновленіе работъ по разграниченію. Но болгарскія событія оттѣснили на второй планъ работы по разграниченію и хотя онѣ подвигались постепенно впередъ, но весьма медленно. Шагъ за шагомъ отвоевывали мы установленіе границы, имѣя, къ счастью, довольно уступчивыхъ противниковъ, и, двигаясь такимъ образомъ, дошли до береговъ Аму-Дарьи, гдѣ работы, въ виду существеннаго разногласія, приостановились. Снова насъ застигло жаркое и длинное лѣто, но уже въ нездоровыхъ болотахъ Оксуса, когда по временамъ въ палаткахъ нашихъ термометръ показывалъ 110°; почти съ отчаяніемъ ожидали мы постепеннаго приближенія зимы, долженствовавшей закрыть путь въ Индію и продолжить наше изгнаніе еще, по крайней мѣрѣ, на годъ. Велика же была наша радость, когда, въ сентябрѣ, телеграмма лорда Сольсбери (доставленная изъ Мешада, черезъ 500 миль пустыни, немного болѣе, чѣмъ въ 5 дней, нашими туркменскими

курьерами) извѣстила насъ, что комиссія прекращаетъ свои работы и дальнѣйшіе переговоры по установленію границы будутъ ведены въ Европѣ. Тогда только началось наше мирное и почетное движеніе по афганскимъ областямъ (бывшимъ свидѣтелями самаго ожесточеннаго боя въ минувшую войну, среди населенія, привыкшаго ненавидѣть насъ, какъ могутъ ненавидѣть только фанатичные афганцы), къ *Кабулу*, гдѣ 5 лѣтъ тому назадъ мы взвели на царство Абдуль-Рахманъ-хана. Въ этомъ самомъ Кабулѣ насъ ожидала дружественная встрѣча и пріемъ, подобающій почетнымъ гостямъ. Послѣ празденствъ, угощеній и наградъ мы продолжали нашъ путь къ *Лагору* и были болѣе чѣмъ вознаграждены за наши лишенія и труды любезнымъ пріемомъ вице-короля и великодушною оцѣнкою нашихъ трудовъ англо-индійской и туземной публики. Въ заключеніе переговоры въ С.-Петербурѣ съ ихъ счастливымъ исходомъ.

Вотъ бѣглый обзоръ хода работъ афганской разграничительной комиссіи. Теперь я приступлю вкратцѣ къ изложенію результатовъ, къ которымъ онѣ привели, и для большей ясности займусь описаніемъ мѣстностей, чрезъ которыя проходитъ граница, избѣгая однако, по возможности, трудно произносимыя азіятскія названія.

Долина Герата.

Пограничная линія не проходитъ долиною Герата, и я съ удовольствіемъ свидѣтельствую, что граничная черта пролегаетъ значительно сѣвернѣе; тѣмъ не менѣе, однако, слѣдовало бы, по моему мнѣнію, уничтожить несправедливое убѣжденіе относительно ея значенія, красоты и плодородія, которое поддерживается англійскою публикою. Долина эта вовсе не представляетъ изъ себя одного изъ плодородныхъ участковъ вселенной. Напротивъ того, по ней, только у южныхъ склоновъ безплодныхъ горъ, коими она окружена, разбросано нѣсколько деревушекъ и одна центральная часть ея, по теченію рѣки, представляетъ удобную для обработки почву, каковая по обѣимъ сторонамъ Герируда, шириною отъ 2 до 5 миль, вполне хорошо обработана. И такъ какъ поля и селенія здѣсь расположены тѣсно другъ къ другу, а глав-

ная дорога проходить черезъ нихъ, то вполне простиительно путешественнику, обобщая наблюденное имъ по пути слѣдованія плодородіе отнести его ко всей долины. Но если бы онъ проѣхалъ по одной изъ дорогъ, пролегающихъ по долины внѣ культурнаго участка ея, то онъ былъ бы разочарованъ. Что же касается до самаго плодородія, то, насколько я помню, средній урожай обработанной части долины—самъ 5, а въ мѣстностяхъ, отличающихся исключительнымъ плодородіемъ—самъ 10. Растительности почти нѣтъ, населеніе бѣдно, а Гератъ представляетъ собраніе глиняныхъ лачугъ, вмѣщающихъ около 5.000 жителей, исключая гарнизона, окруженныхъ огромнымъ землянымъ валомъ. Относительно стратегическихъ свойствъ и значенія этого пункта, я, по нѣкоторымъ причинамъ, умолчу, равно какъ и объ окружающихъ городъ укрѣпленіяхъ; скажу только, что они были усилены во время нашего тамъ пребыванія.

Пройдя горы, лежащія къ сѣверу отъ долины и достигнувъ области извѣстной подъ именемъ Бадхиса, я могу сказать теперь нѣсколько словъ о такъ называемомъ „ключѣ къ Индіи“. Тѣ 300 или 400 миль, чрезъ которыя проходитъ афганская граница, мнѣ представляются песчаною, лишенною растительности, безводною пустынею, за исключеніемъ только тѣхъ мѣстъ (шириною около 300 миль), по которымъ, считая съ юга на сѣверъ, протекають 3 рѣки: Герирудъ, Мургабъ съ его двумя притоками Кушкомъ и Кашаномъ и Оксусъ (Аму-Дарья), и единственно удобныя для воздѣлыванія мѣстности лежатъ только по берегамъ этихъ рѣкъ; хотя, правда, весною, съ началомъ таянія снѣговъ—вскрывающіяся поляны тоже представляютъ удобныя пастбища.

Такимъ образомъ, очевидно, что единственные пути въ Афганистанъ—т. е. въ Гератъ, Маймене или Балхъ, по которымъ могутъ двигаться войска, пролегають по берегамъ этихъ 3-хъ рѣкъ.

Мѣстность между Герирудомъ и Кушкомъ извѣстна подъ именемъ *Бадхиса*. Тутъ сѣверные склоны горъ (неправильно называемыхъ Паропамизомъ), отдѣляющихъ ее отъ долины Герата, покрыты травою и обильно снабжены родниками, изъ которыхъ текутъ ручьи къ сѣверу по плодородной и волнистой равнинѣ и затѣмъ постепенно теряются въ бесплодной степи, по которой

проходить граница. Въ Бадхысѣ всюду видны слѣды прежнихъ жилищъ и даже городовъ и усердной культуры, но послѣдніе туземцы были изгнаны около столѣтія тому назадъ туркменами. Когда мы впервые появились въ Бадхысѣ, мѣстность эта была совершенною terra incognita для самихъ афганцевъ и даже для сосѣднихъ гератцевъ. Единственный обитатель здѣсь — дикій осель, составляющій любимый предметъ охоты туркменъ, когда они не въ набѣгахъ.

Со времени занятія Мерва русскими, страна сдѣлалась безопасною, и теперь, когда соединенная коммисія включила эти плодородныя мѣста въ афганскую территорію, ее стали постепенно заселять колонистами.

Долина Кушка.

Долина Кушка плодородна, но очень узка, и вода рѣки въ нижнемъ своемъ теченіи, до впаденія въ Мургабъ, имѣетъ вкусъ горькій. Къ осени рѣка во многихъ мѣстахъ совершенно пересыхаетъ, оставляя лишь кое гдѣ незначительныя озерки. Между Кушкомъ и Мургабомъ природа совершенно отлична отъ таковой же Бадхыса; только склоны горъ обитаемы. Далѣе къ югу страна представляетъ рядъ холмовъ, которые раннюю весною покрываются травой, но безъ малѣйшаго слѣда воды, исключая времени половодья Кошана. Умѣренная въ питаніи мѣстная порода овецъ находитъ себѣ здѣсь достаточный кормъ, даже очень жирна и имѣетъ пріятный вкусъ, нуждаясь въ водопоѣ не болѣе 3 или 4 разъ въ недѣлю, эти животныя не ощущаютъ особеннаго недостатка въ водѣ, тѣмъ болѣе, что пастухи удовлетворяютъ потребность ихъ, принося съ собою необходимый запасъ ея. Вотъ эта-то область и представляетъ ту самую, которую мы возвратили пенджденскимъ туркменамъ, и въ которой, по словамъ критиковъ, русскіе должны сосредоточить свои войска для движенія въ Индію.

Прежде, однако, чѣмъ окончить съ этою областью, я хочу сказать еще нѣсколько словъ о Кошанѣ, впадающемъ въ Мургабъ у Пенджде. Зимой и весною онъ разливается настолько, что достаточно орошаетъ пендждинскую часть долины, но лѣтомъ

совершенно высыхаетъ. Что же касается Мургаба, то послѣдній постоянно имѣетъ достаточное количество воды, весною же онъ обращается въ бурный потокъ, черезъ который можно переправиться въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ, и то съ трудомъ и опасностью. На правомъ его берегу, въ предѣлахъ афганской границы, находятся укрѣпленія Бала-Мургабъ и Меручакъ; послѣдній представляетъ изъ себя покинутыя глиняныя развалины, коими командуютъ окружающія высоты.

Мѣстность, лежащая между Мургабомъ и Аму-Дарьей, во многомъ похожа на таковую же между Герирудомъ (или Тедженгомъ) и Мургабомъ. Съ сѣверныхъ склоновъ Гиндукуша стекаютъ рѣки, орошающія долины Балха, Меймене и Андохя, и затѣмъ теряются въ бесплодномъ и лишенномъ жизни чулѣ, простирающемся отъ Мургаба до Аму-Дарьи,—чрезъ который проходитъ граница. Чуль—мѣстное названіе безлѣсной, безводной открытой долины, которая, послѣ таянія зимнихъ снѣговъ, на короткій срокъ покрывается роскошною растительностью и цвѣтами. Почва хороша, но, по мѣрѣ приближенія къ Аму-Дарьѣ, пески дѣлаются все чаще, а растительность все рѣже, уступая мѣсто низкимъ песчанымъ холмамъ, которые постепенно окаймляютъ узкую обработанную полосу на лѣвомъ берегу Оксуса. Въ этой полосѣ лежатъ Ходжа-Салехъ и Хаміабъ.

Граница была проведена отъ Мургаба къ Аму-Дарьѣ такъ, чтобы оставить за афганцами все удобо-воздѣлываемыя земли, о которыхъ я говорилъ выше, а также полосу чуля, шириною среднимъ числомъ отъ 12 до 15 миль. Но у источника, называемаго *Дукчи*, въ 35 миляхъ отъ Аму-Дарьи, разграниченіе приостановилось, въ виду того, что оба уполномоченные не могли договориться относительно того,—должна ли граница быть проведена отъ Дукчи къ Аму-Дарьѣ и Хаміабу или къ могилѣ Ходжа Салехъ ¹⁾, которая находится въ 15 миляхъ выше по теченію рѣки. Обработанная полоса между этими двумя мѣстностями занимаетъ пространство въ 30 $\square$ миль, съ населеніемъ въ 13.000 душъ и даетъ ежегоднаго дохода около 1.500 фунтовъ стерл. Къ этому

¹⁾ Могила мусульманскаго угодника. *Пр. перев.*

же участку присоединены еще около 700 $\square$ миль чуля. Русскіе основывали свои требованія на договорѣ 1873 г., по которому условлено, что афганцы не могли простираť свои требованія на земли, лежащія ниже Ходжа-Салеха. Весьма жаль, что ни одинъ изъ специалістовъ, нападавшихъ на соглашеніе лорда Сольсбѣри, сообщая при томъ столько чисто топографическихъ подробностей, не указаль, ни тогда, въ 1873 году, ни теперь, въ 1884 году, лорду Гренвиллю на всю невыгодность упомянутаго договора, по которому значительная область, лежащая ниже Ходжа-Салеха, отходила отъ афганцевъ. Но они этого не сдѣлали и вопросъ этотъ тогда только выяснился, когда топографы разграничительной коммисіи достигли Аму-Дарьи. Тогда русскій уполномоченный и заявилъ требованіе на эту мѣстность.

Таковы требованія Россіи. Теперь я попрошу читателя возвратиться къ лондонскому протоколу 1885 года. Въ силу этого протокола Пенджде былъ формально уступленъ Россіи. Не желая упоминать объ унижительной пендждинской исторіи, я смѣю надѣяться, что дѣло это окончилось навсегда, но здѣсь произошло одно событіе въ связи съ нимъ, о которомъ было слишкомъ много толковъ. Всѣмъ извѣстно существовавшее предположеніе, что эмиръ былъ принужденъ или подвинуть нами къ тому, чтобы согласиться на занятіе Пенджде Россіею. Это совершенно ошибочно. Исторія Равуль-Пиндскаго свиданія доказываетъ, что на эмира не было произведено давленія; напротивъ того, въ то время даже существовало всеобщее убѣжденіе, что Англія готова была отомстить войною за актъ насилія, который выдѣлилъ Пенджде изъ вѣдѣнія международной юрисдикціи, назначенной для разрѣшенія спора Россіи и Афганистана. Несмотря на это, эмиръ неожиданно пришелъ къ заключенію, что Пенджде не стоитъ войны. Эмиръ, быть можетъ, ошибался, но во всякомъ случаѣ онъ проницательный правитель. Онъ зналъ, что верховныя права его на Пенджде ограничивались только сборомъ небольшой подати, которая вся поглощалась расходами на собираніе ея; онъ также, безъ сомнѣнія, понималъ, что пендждинскіе туркмены сарыки ненавидѣли афганское правленіе, и что если долина будетъ влючена съ афганскую территорію, то она должна управляться

англійскими офицерами. Въ виду этихъ-то соображеній Пенджде и былъ оставленъ за Россіей лондонскимъ протоколомъ. Уполномоченные предполагали, что туземцы туркмены поселились въ главной долинѣ, тогда какъ на дѣлѣ они обрабатывали земли и въ боковыхъ,—Кушка и Кошана, имѣя свои пастбища, описанныя мною выше, на безводныхъ мѣстностяхъ между Кушкомъ и Мургабомъ. Въ виду этого было постановлено провести границу, съ расчетомъ оставить эти незаселенныя мѣста въ афганской чертѣ. Когда же соединенная коммисія достигла мѣста и ошибка была обнаружена, русскій уполномоченный пожелалъ исправить ее; но британскій настоялъ съ своей стороны на соблюденіи буквы лондонскаго протокола и такимъ образомъ туркмены лишились этихъ земель.

Я желалъ бы обратить вниманіе читателя на замѣчательное сходство русскихъ требованій съ одной стороны и англійскихъ домогательствъ съ другой, выставленныхъ послѣ того, когда сдѣлались извѣстны притязанія Россіи на Ходжа-Салехъ. Мы домогались для афганцевъ земель, кои никогда ими не были обитаемы и заняты и издавна принадлежавшихъ пендждинскимъ туркменамъ, основывая эти требованія на буквѣ лондонскаго протокола 1885 г.; Россія же, съ своей стороны, настаивала на отводѣ для Бухары земель по Аму-Дарьѣ, издавна принадлежавшихъ Афганистану, опирая свои притязанія на соглашеніе 1873 года. Такимъ образомъ, если когда-либо могъ представиться удобный случай придти къ соглашенію на взаимныхъ уступкахъ, то это именно былъ настоящій. Нѣкоторые полагаютъ, что правительство ея величества преслѣдовало свои личныя выгоды и интересы, но, къ счастью, не таковъ былъ взглядъ лорда Сольсбери и онъ рѣшился пойти на компромиссъ, если Россія, съ своей стороны, захочетъ принять предложенное соглашеніе. Опредѣленіе общихъ основаній переговоровъ представлялось задачею несравненно болѣе легкою, нежели установленіе детальныя подробностей, долженствовавшихъ, къ тому же, удовлетворить и Россію, и афганскаго эмира. Но, въ концѣ концовъ, благодаря умѣренности обоихъ кабинетовъ, соглашеніе, наконецъ, состоялось. Петербургскій корреспондентъ одной изъ лондонскихъ газетъ, въ своихъ длинныхъ телеграм-

махъ, старался доказать, что его соотечественники не одержали дипломатической побѣды надъ Россіей, но это не такъ; соглашеніе послѣдовало благодаря благоразумной и достойной умѣренности обоихъ правительствъ и теперь мы можемъ надѣяться, что для двухъ великихъ цивилизованныхъ державъ Востока наступила новая эра, которая ознаменуется отнынѣ распространеніемъ мира и согласія на землѣ. Люди не военные дѣлали намъ упреки относительно стратегическаго значенія вновь опредѣленной границы; я, съ своей стороны, могу замѣтить, что въ дѣло разграниченія не входили специально военныя соображенія. Ни одинъ просвѣщенный и знающій военный не будетъ утверждать, что въ разсматриваемомъ соглашеніи хотя бы однимъ словомъ упоминалось о томъ, насколько русская граница приблизилась къ Герату. Было бы крайне странно, если бы Англія, допустившая Россію приблизиться на нѣсколько сотъ миль къ Герату, возбудила бы теперь переговоры для обозначенія той черты, которую, въ силу международнаго трактата, Россія обязалась бы не переступать въ будущемъ.

Во всемъ вышеприведенномъ заключается сущность афганскаго разграниченія; интересы Россіи и Англіи, казалось бы, удовлетворены и, повидимому, афганскій эмиръ совершенно доволенъ рѣшеніемъ настоящаго вопроса. Тѣмъ не менѣе, однако, между нами существуютъ недовольные, которымъ афганскіе интересы какъ бы дороже, чѣмъ самимъ афганцамъ. Я позволю себѣ возразить имъ, что у нихъ нѣтъ достаточнаго основанія скорбѣть о воображаемыхъ потеряхъ Афганистана. Правда, эмиръ потерялъ Пенджаде, но несмотря на это и даже на уступку земель туркменамъ по петербургскому соглашенію, въ конечномъ результатѣ является, всетаки, увеличеніе его территоріи, чрезъ проведеніе границы, и афганскіе посты теперь мирно занимаютъ мѣста, въ которыя ни одинъ афганецъ не рѣшался спокойно вступить со временъ Достъ-Могаммедъ-хана. Отбрасывая въ сторону вопросъ о Пенджаде, эмиръ, пріобрѣтая по разграниченію земли, не потерялъ, благодаря ему, ни полушки своего дохода, ни одного подданнаго и ни одного акра земли. Но пессимисты все недовольны и пред-

сказываютъ мрачное будущее. Столкновѣніе, говорятъ они, должно произойти между русскими и афганцами и опасенія ихъ настолько сильны, что они впредь создаютъ подробныя описанія воображаемыхъ столкновѣній. Я уже сказалъ выше, при описаніи границы, что она была проведена по безлюднымъ мѣстностямъ и, исключая Аму-Дарьи, гдѣ пограничныя племена родственны и живутъ дружелюбно, нѣтъ, въ другихъ пунктахъ ея, никакихъ причинъ къ сообщенію, а тѣмъ болѣе къ столкновѣнію между русскими и афганскими подданными. Столь же мало могутъ имѣть вліянія на спокойствіе на границѣ и внутренніе безпорядки въ Бухарѣ и Афганистанѣ. Правда, всѣ эти мрачныя опасенія могутъ и осуществиться, но, во всякомъ случаѣ, независимо отъ настоящаго разрѣшенія вопроса о разграниченіи, установленномъ между Россією и Афганистаномъ. Но прежде, чѣмъ публика согласится отказаться отъ пессимистическихъ пророчествъ, какъ отъ нѣчто неизбежнаго, я бы просилъ обратить вниманіе на то, что до сихъ поръ пророчества пессимистовъ не оправдывались событіями, а потому намъ нѣтъ особыхъ основаній опасаться и въ будущемъ ихъ значенія. Для примѣра я позволю себѣ указать на послѣднія предсказанія *Арминія Вамбери* — отважнаго путешественника, извѣстнаго ученаго, но страшнаго пессимиста. Въ его статьѣ, помѣщенной въ 1884 году въ „National Review“, онъ предсказывалъ, во-первыхъ, что коммисія будетъ представлять изъ себя не болѣе, какъ „дорого стоящую комедію“; во-вторыхъ, что никакой границы не будетъ проведено, и если таковая будетъ установлена, то она отдастъ въ руки Россіи всю страну между Гинду-Кушемъ и Паропамизомъ; въ третьихъ, что мы не можемъ ожидать ни свѣдѣній, ни содѣйствія со стороны нашихъ афганскихъ союзниковъ. Тѣмъ не менѣе, однако, всѣ эти предсказанія не сбылись, и есть достаточно основаній надѣяться, что и послѣдующія пророчества его постигнетъ та же участь.

Прежде, чѣмъ кончить съ этимъ очеркомъ, я желалъ бы отвѣтить на два возраженія, которыя дѣлались относительно самаго существа разграниченія. Нѣкоторые утверждаютъ, что съ нашей стороны было вообще ошибкой проводить афганскую границу, на томъ основаніи, что мы этимъ самымъ опредѣлили и

увеличили нашу отвѣтственность. Конечно, она была опредѣлена, но это, по моему мнѣнію, и было одною изъ главныхъ заслугъ разграниченія. Въ настоящее время нами руководить опредѣленная и твердая политика и мы уже не находимся въ зависимости отъ перваго порыва бури, раздирающаго нашу парламентскую атмосферу, и при такой политикѣ, какъ я укажу ниже, обѣ правительственныя партіи одинаково отвѣтственны. Кромѣ того, очевидно, что въ 1884 году правительству ея величества не представлялось другаго выбора, кромѣ проведенія афганской границы. Какъ для либеральныхъ, такъ и для консервативныхъ министровъ было аксіомой, что Афганистанъ находится внѣ предѣловъ русскаго вліянія и это даже было формально признано самою Россіей и положено было, такъ сказать, въ основу договора 1873 года. Во имя этого принципа либеральное и консервативное правительства рѣшились на войну и когда, правительство Гладстона эвакуировало Кандагаръ, то они (1-го августа 1881 года) рѣшились не допустить вмѣшательства какой бы то ни было державы во внѣшнія и внутреннія дѣла Афганистана. Болѣе того, утверждая на престолѣ настоящаго эмира, они (т. е. оба правительства—тори и виговъ) обязались защищать его отъ иноземнаго нашествія до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ выполнять извѣстные обязательства. Въ то время отвѣтственность, взятая правительствами, была еще не такъ велика, такъ какъ тогда ближайшіе къ Афганистану русскіе посты находились у береговъ Каспійскаго моря, въ 700 мил. отъ Герата по Серахской дорогѣ. Въ 1884 году Россія постепеннымъ и незамѣтнымъ движеніемъ уже выдвинула свои передовые посты до Серахса, менѣе чѣмъ въ 200 мил. отъ Герата; былъ занятъ Мервъ и началась постройка желѣзной дороги, соединяющей въ настоящее время Мервъ съ Каспійскимъ моремъ и Аму-Дарьей и которая вскорѣ соединитъ Мервъ съ Самаркандомъ. Наконецъ, соприкосновеніе Россіи къ Афганистану стало совершившимся фактомъ и русскія войска двинулись, какъ мы это полагали, но какъ Россія это отрицала—къ границѣ Афганистана. Эмиръ потребовалъ исполненія нашего обѣщанія. Какой же могъ быть тутъ другой исходъ, если не

опредѣленіе границы, за которую мы были отвѣтственны? Вопросъ заключался не въ сохраненіи нами неприкосновенности территоріи эмира (эта отвѣтственность была уже взята), но правительству ея величества предстояло разрѣшить вопросъ, берется ли эта отвѣтственность за Афганистанъ, граница котораго неизвѣстна и спорна, или за Афганистанъ, граница коего опредѣлена и принята Россіею въ силу формальнаго международнаго обязательства. Могло ли быть сомнѣніе въ выборѣ, который мы сдѣлаемъ? Если бы граница осталась неопредѣленной, то тогда дѣйствительно вопросъ о мирѣ былъ бы въ рукахъ какого-нибудь честолюбиваго пограничнаго офицера, и цѣлый рядъ пендждинскихъ униженій былъ бы слѣдствіемъ всего этого. Предположимъ, что нѣтъ опредѣленной границы и что русскіе аванпосты или даже туркмены—подданные Россіи—двинулись по направленію къ Кила-Хаузъ-и-Хану или къ другому мѣсту со столь же трудно произносимымъ для англичанина именемъ, — вызвало ли бы это движеніе войну, особенно если въ журналахъ (которые любить всякую страну болѣе своей собственной) было сказано, что Кила-Хаузъ-и-Ханъ не имѣетъ никакого значенія? При такомъ постепенномъ и безпрепятственномъ движеніи развѣ трудно скоро достигнуть укрѣпленій Герата? Правда, такъ какъ Англія, подъ нѣкоторыми условіями, гарантировала настоящему эмиру неприкосновенность афганской территоріи, то война была бы непремѣннымъ слѣдствіемъ такого желанія избѣгнуть точнаго опредѣленія ея отвѣтственности. Но, будутъ утверждать,—такое проведеніе границы даетъ возможность Россіи объявить намъ во всякую минуту войну. Согласенъ. Но съ другой стороны надо замѣтить, что Россія не нарушитъ границы, пока она не будетъ готова къ войнѣ и, очевидно, не въ одной только Средней Азіи, но и во всѣхъ частяхъ свѣта.

По моему мнѣнію, и по отзывамъ другихъ лицъ, имѣющихъ болѣе правъ на такое сужденіе, весьма мало вѣроятія въ томъ, чтобы нарушеніе афганской границы послужило поводомъ къ войнѣ; разумѣется, если по другимъ какимъ либо причинамъ вспыхнетъ война, весьма вѣроятно, что тогда Россія перейдетъ Афганскую границу, если въ этомъ движеніи будетъ видѣть удобную ди-

версію и военные успѣхи. Другими словами, *война въ Европѣ можетъ быть причиною нарушенія афганской границы, но не наоборотъ*. Дѣлая такое предположеніе, я не только уповаю на честность, прямодушіе и миролюбивыя стремленія Императора — качества, въ которыхъ я твердо вѣрю, но и на дальновидность русскихъ государственныхъ людей. Даже наши пессимисты должны допустить, что для Россіи война съ Англіей будетъ войною томительной и истощающей. Вѣроятно ли поэтому, что въ то время, какъ вся Европа готовится къ Армаггеддонской битвѣ, долженствующей перевернуть карту всего міра, Россія будетъ ослаблять себя войною съ Англіей. И изъ-за чего? Изъ-за Герата? Я не сомнѣваюсь, что Россія понимаетъ настоящую цѣну Герата и не думаю, чтобы въ такое критическое время она пожертвовала за него хотя бы однимъ казакомъ! — Изъ-за Индіи? Въ этомъ отношеніи я слишкомъ высоко ставлю опытность русскихъ государственныхъ людей и военное образованіе ея генераловъ, чтобы предполагать, что они задаются такою трудноразрѣшимой задачею. Но если бы нашелся какой нибудь изъ нихъ, который былъ бы настолько пылокъ, что попытался бы двинуться въ Индію, полагаясь на единственную, наскоро построенную желѣзно-дорожную линію, соединяющую Каспійское море съ Аму-Дарьей, которая еще можетъ подвергнуться опасности заноса лѣтомъ движущимися песками, а зимою снѣгами; если, повторяю, полагаясь на эти слабыя и хрупкія средства, онъ направитъ армію свою по безлюднымъ равнинамъ, окаймляющимъ Аму-Дарью, и оставляя за собою въ тылу враждебныя племена Средней Азіи, рѣшится вступить въ трудные проходы Гиндукуша и окружить свою армію въ горахъ фанатическихъ и вѣроломныхъ афганцевъ, тогда наши счастливые генералы могутъ себя поздравить съ избавленіемъ отъ непріятеля, который преданъ будетъ въ ихъ руки. То же можно сказать и относительно движенія въ Индію со стороны Гератской дороги. Вообразите себѣ положеніе русской арміи, когда она подойдетъ къ нашему укрѣпленному лагерю въ Кандагарѣ, соединенному желѣзными дорогами съ огромными нашими запасами въ Индіи. Армія эта очутится тогда въ странѣ, лишенной продовольствія, съ сильнымъ

противникомъ передъ собою и окруженною съ фланговъ и тыла фанатическими племенами, ведущими партизанскую войну. Нѣтъ, я надѣюсь, мы можемъ оставить эти чисто химерическія опасенія будто Россія нарушитъ границу съ цѣлью похода въ Индію, или даже въ Афганистанъ, поддерживаемый Англіею. Если война начнется въ Европѣ и Россія будетъ въ противоположномъ съ Англіею лагерѣ, тогда весьма вѣроятно, смотря по ходу военныхъ дѣйствій, Россія и перейдетъ границу. Если же она нарушитъ ее до подобной войны, то это будетъ только при условіи полной увѣренности со стороны Россіи въ успѣхѣхъ предпріятія и безнаказанности его; поэтому я просилъ бы нашихъ пессимистовъ прекратить свои сѣтованія по поводу паденія Англіи и не распространять по всему свѣту о нашей воображаемой слабости и неспособности войною отстаивать ненарушимость послѣдовавшаго торжественнаго международнаго соглашенія.

Судя по статьѣ лэди Galloway о Россіи, помѣщенной въ настоящемъ журналѣ, англійская публика имѣетъ не совсѣмъ правильное понятіе о Россіи и быть можетъ одна изъ величайшихъ ошибокъ нашихъ заключается въ несправедливомъ убѣжденіи, что русскіе питаютъ непримиримую вражду къ англичанамъ. Напротивъ того, я полагаю, что здравомыслящіе русскіе офицеры и большая часть народа—чиновное сословіе, быть можетъ, составляетъ исключеніе—любятъ и уважаютъ англичанъ. Я увѣренъ, что русскіе не питаютъ того застарѣлаго антагонизма къ Англіи, каковой усматривается въ нихъ по отношенію къ Германіи и у насъ къ Франціи, хотя вполне естественно, что съ своей стороны русскіе имѣютъ основаніе быть недовольными той оппозиціей, которую мы противопоставляемъ ихъ честолюбивымъ стремленіямъ.

Теперь я обращусь ко второму возраженію, по которому „граница, обозначенная столбами, водруженными въ песокъ, есть „картонная граница. Какъ можетъ она удержатъ русскихъ?“ На это легко отвѣтить тѣмъ, что до сихъ поръ единственно извѣстный и принятый способъ разграниченія заключается въ постановкѣ столбовъ съ нанесеніемъ таковыхъ на карты, и онъ можетъ быть признанъ неудовлетворительнымъ только въ томъ случаѣ, если отъ соединенной комиссіи могли бы ожидать

устройства китайской стѣны вокругъ всего Афганистана! Сущность здѣсь не въ способахъ разграниченія, а въ томъ общаніи, подтвержденномъ царскимъ словомъ русскаго Императора, по которому граница будетъ уважаться. Существуетъ, я это знаю, народное мнѣніе, которое отчасти имѣетъ долю значенія, что Россія добровольно заключаетъ договоры, чтобы затѣмъ имѣть удовольствіе нарушить ихъ. Насколько это мнѣніе справедливо относительно Чернаго моря и Батума (оцѣнка этого вопроса не входитъ въ область моей статьи) я не буду разбирать, но что касается ея движенія въ Средней Азіи къ Афганистану, я могу утверждать, что въ этомъ случаѣ она внѣ этого прискорбнаго обвиненія. Движеніе ея было дѣйствительно неизбѣжно, до тѣхъ поръ, пока она не столкнулась съ другою сильною державою. Россія, судя по ея же военнымъ отчетамъ, не встрѣчала на пути своемъ истинно воинственныхъ племенъ и даже туркмены не особенно охотно вступали въ бой съ сильнѣйшимъ врагомъ. Одинъ извѣстный дипломатъ сравнилъ это движеніе съ движеніемъ ножа по маслу, пока онъ, наконецъ, не встрѣтилъ твердой почвы.

Россія теперь достигла этого твердаго пункта, и въ ея интересахъ, (я полагаю, это согласуется и со взглядами ея правительства), остановиться и укрѣпить свои пріобрѣтенія. Съ другой стороны, движеніе Россіи въ Средней Азіи является торжествомъ цивилизаціи: гдѣ только она водружала свой флагъ—тамъ прекращалось рабство. Это впечатлѣніе мы съ глубокимъ убѣжденіемъ въ его справедливости принесли на родину, вынеся его изъ нашего путешествія. Еще за сотни миль до Герата мы нашли страну раззоренную и лишенную населенія отъ туркменскихъ набѣговъ, и даже въ самой долинѣ Герата мы постоянно встрѣчали отцевъ и братьевъ людей, уведенныхъ въ плѣнъ туркменами и проданныхъ за сотни миль отъ ихъ родины. Все это прекратилось съ занятіемъ Мерва, и жестокая торговля невольниками была окончательно уничтожена. Когда я иногда слышу добродушные разговоры людей, разсуждающихъ о возможности вытѣсненія Россіи изъ Средней Азіи, я удивляюсь, какъ они не представляютъ себѣ того хаоса, который былъ бы послѣдствіемъ

этого невозможнаго явленія, и той отвѣтственности, которая пала бы на насъ. Нѣтъ, если Россія захочетъ здѣсь остановиться, то нѣтъ поводовъ, чтобы не установились дружественныя отношенія и совмѣстная дѣятельность двухъ державъ. Обѣимъ предстоитъ много дѣла. Бухара плохо управляется и не спокойна, а Афганистанъ еще болѣе нуждается въ нашемъ цивилизаторскомъ вліяніи.

Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій дѣятельности комисіи является теперь возможность англійскимъ офицерамъ свободно и безопасно путешествовать по Афганистану. Двери теперь открыты. Я слышалъ о сомнѣніяхъ, высказываемыхъ по поводу соблюденія афганцами неприкосновенности новой границы. Я не опасаясь этихъ предположеній и увѣренъ, что пока во главѣ будетъ стоять нынѣшній эмиръ всѣ старанія будутъ приложены къ тому, чтобы избѣжать столкновенія. Абдуръ-Рахманъ-ханъ одинъ изъ величайшихъ людей. Образъ дѣйствій его, при помощи котораго онъ изъ хаоса привелъ свою страну въ порядокъ и притомъ въ столь непродолжительное время—поразителенъ. Правда, онъ управляетъ желѣзнымъ жезломъ и можетъ быть названъ строгимъ, даже жестокимъ правителемъ, но онъ управляетъ и дикимъ народомъ. Наказанія его иногда жестоки, но также поступалъ и князь Черногорскій, когда онъ завоевалъ симпатію всего свѣта.

Говорятъ, что въ Афганистанѣ смуты, но смуты бываютъ и у насъ дома гораздо ближе. Зато тамъ нѣтъ невольничества и мало преступленій. Разбои почти неизвѣстны, развѣ только во время послѣднихъ безпорядковъ въ нѣкоторыхъ округахъ. Я поэтому не вижу причины вмѣшательства во внутреннее управленіе Афганистана. Что же случится послѣ смерти эмира—объ этомъ бесполезно говорить теперь. Безъ сомнѣнія, у лорда Дѣфферина есть свои твердые и установившіеся планы на этотъ счетъ. Но я опять повторяю, что не вижу никакого отношенія между безпорядками внутри Афганистана и спокойствіемъ на границѣ. Разумѣется, политика г. Гладстона можетъ не восторжествовать, и независимый Афганистанъ, который онъ оживилъ и поставилъ подъ покровительство Англій, окажется непокорнымъ и сдѣлается

большимъ мѣстомъ, о бокъ съ Индіей находящимся. Въ этомъ случаѣ необходимо будетъ обсудить нашу политику, но нужно надѣяться, что прямодушіе, съ которымъ Россія будетъ относиться къ вопросамъ о ея вліяніи, въ предѣлахъ, ею теперь впервые признанныхъ, внушитъ англійской публикѣ довѣріе къ ея добрымъ намѣреніямъ и побудитъ наше правительство пересмотрѣть настоящее соглашеніе, въ видахъ, одинаково выгодныхъ для обѣихъ сторонъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я старался доказать: 1) что проведеніе афганской границы являлось конечнымъ заключеніемъ политики Гладстона, стремившейся защитить эмира отъ нашествія; 2) что, не смотря на большія затрудненія, разграниченіе окончилось удовлетворительно, и 3) что есть вполне основательная надежда на продолженіе status quo.
